

ЗАКАТ ЕВРОПЫ 2.0

В 1918 ГОДУ НЕМЕЦКИЙ ПУБЛИЦИСТ И КУЛЬТУРОЛОГ ОСВАЛЬД ШПЕНГЛЕР ИЗДАЛ КНИГУ «ЗАКАТ ЕВРОПЫ»¹, В КОТОРОЙ УТЕШИЛ УДРУЧЕННЫХ ПОРАЖЕНИЕМ В ВОЙНЕ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ, ОБЪЯСНИВ ТРАГЕДИЮ НЕ ИЗДЕРЖКАМИ НЕМЕЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ, А УПАДКОМ ВСЕЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ.

Принято считать, что книга Шпенглера стала для современников сенсацией, заставившей их пересмотреть взгляды на историю. На самом деле это не так. В 1785 году Чарльз Уилкинс перевел на английский язык «Бхагавадгиту» — включенный в древнеиндийский эпос «Махабхарата» философский трактат, который дал европейской мысли представление об истории, отличное от прогрессистской традиции. Если раньше развитие общества виделось не иначе как поступательное движение к светлому будущему, то после усвоения индийской традиции возникла новая школа мысли, которая заговорила об истории как о цикле, причем цикле с деградационным уклоном.

От йенских романтиков во главе с Карлом фон Шлегелем к Рене Генону, родоначальнику столь популярной в современной России теории традиционализма, в европейской системе ценностей закреплялось представление о «Золотом веке истины и чистоты» (Сатья Юги), от которого мы отдаляемся все больше и больше с каждой новой эпохой.

Именно такую картину мира и нарисовал Освальд Шпенглер в «Закате Европы». В XX веке новая европейская культура (Шпенглер называет ее фаустовской) окончательно отделилась от идеала («бытия, исполненного глубокого самосознания»)

и погрязла в бездуховном мире вещей. Признаки деградации Европы — повальная урбанизация, выводящая на первый план истории безликую массу («восстание масс» Ортеги-и-Гассета!), тотальные войны, тирания и увлечение технологиями.

«Гибнущая» Европа изменила высокой Традиции, которая заключалась в почитании духовного наследия прошлого и воспитании патриотического духа, и подчинила свое бытие Деньгам и стяжанию Власти.

«Западный мир умирает» — таков вердикт, поставленный Старому Свету немецким мыслителем почти сто лет тому назад.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В наше время тема «заката Европы» обрела второе дыхание. В России сегодня идея вырождения и кончины Старого Света стала чуть ли не частью государственной идеологии. В этом отношении забавно находить повсеместно ссылки на самого Освальда Шпенглера, который якобы верил, что на смену умирающей европейской культуре идет «пробуждающаяся русско-сибирская цивилизация».

У самого Шпенглера, к сожалению, мне не удалось найти ничего про «Свет, идущий с Востока», разве что такую харак-

¹ Более точный перевод названия труда «*Der Untergang des Abendlandes*» — «*Закат Западного мира*». — Прим. авт.

теристику большевизма: «В действительности это татарский абсолютизм, который подстрекает и эксплуатирует мир, не обращая внимания на границы, осторожный, хитрый, жестокий, использующий смерть как повседневное средство управления, в любой момент готовый выдвинуть нового Чингисхана, чтобы пойти на Азию и Европу» («Годы решений», 1933).

Российский контекст, впрочем, не имеет особого значения, поскольку даже в самой Европе мотив очередного «заката» служит отправной точкой для объединения националистических и консервативных движений практически во всех странах ЕС: от Греции («Золотая заря») до Венгрии («Йоббик»), Италии («Новая сила»), Франции («Национальный фронт»), Германии («Альтернатива для Германии»), Испании («Испанская альтернатива») и т. д.

Если бы дело было только в критике «европейской цивилизации» со стороны консерваторов, я бы не решился сгущать краски до второй версии «Заката Европы». Проблема, однако, гораздо глубже. Чисто визуально достижения современной Европы выглядят блекло, особенно в сравнении с главными цивилизационными конкурентами — Новым Светом (США, Канада, Австралия) и «Азиатскими Тиграми» (Япония, Корея, Китай, Малайзия, Сингапур).

Я сейчас не говорю о режущих глаз провалах идеологии европейского либерализма, доведшей неумелыми действиями политиков демографию Евросоюза до состояния катастрофы (об этом мы также поговорим чуть позже). Меня больше интересует иллюзия экономического и технологического отставания Европы от ее основных конкурентов.

Я сознательно пишу не об отставании как таковом, а именно об иллюзии, поскольку усматриваю в ней основную интригу сюжета, которую и собираюсь раскрыть в своем эссе.

Думаю, что затронутая тема слишком серьезна, чтобы украшать ее саспенсом, поэтому предпочитаю снять интригу с самого начала. Основная задача моей статьи — это демонстрация мнимости как экономического отставания (тем более — деградации) Европы от Нового Света и «Азиатских тигров»,

так и разрушающего воздействия европейской либеральной идеологии на ее экономику.

Скажу больше: главная причина неадекватного восприятия европейского контекста нами всеми, сидящими за новым русским занавесом, — это отчуждение европейской либеральной идеологии от ее экономического наполнения! Я попытаюсь доказать, что именно экономический эффект является ключевым мерилем достижений европейского либерализма, и всякий раз, когда мы будем игнорировать эту истину, нам не останется ничего лучшего, чем исполнять частушки про «Гейропу, педофилию и террор ЛГБТ».

УЩЕРБНОСТЬ ПОВЕРХНОСТНОГО ВЗГЛЯДА

С «настоящей» Европой (той, что простиралась за пределами «социалистического лагеря») я познакомился в конце 1980-х годов, когда побывал в Австрии по приглашению университетского друга. Не удивительно, что с «зияющей высоты» советского идеализма, 70 лет вытеснявшего из жизни материальное наполнение, Вена мне показалась консьюмеристским раем: обилие продуктов питания, электроники, одежды, книг шокировало воображение советского аскета.

Об Австрии я вспомнил в 1990-е годы, после того как пожил и поработал в Соединенных Штатах. Собственно говоря, вспомнил я уже в первый день своего пребывания, когда заглянул в местный, очень маленький по американским масштабам супермаркет, который был открыт 24 часа в сутки 365 дней в году. Я вспомнил даже не то, что ни в Вене, ни в Граце, ни в Зальцбурге не встречал ни одного торгового заведения, сопоставимого по размерам, а то, что аккурат в семь часов вечера все торговое дело в европейской стране закрывалось, а по субботам и воскресеньям не открывалось — точь-в-точь как в родном Советском Союзе.

Именно такое, мягко сказать, прохладное отношение к консьюмеризму поразило меня при воспоминаниях об Австрии после посещения Америки. Сегодня, после того как мой жизнен-

ный опыт пополнился не только многократными посещениями европейских стран, но и довольно интенсивными скитаниями по Азии, могу с уверенностью сказать: самое первое мое наблюдение оказалось очень точным.

Да, безусловно, сегодня и Вена, и Варшава, и Будапешт, и тем более Лондон, Берлин, Париж, Рим ломаются от обилия супермаркетов и торговых моллов, почти не уступая (на самом деле, конечно, уступая и количественно, и качественно!) Соединенным Штатам, Сингапуру и Малайзии, однако отношение к консьюмеризму в Старом Свете сохраняется точно такое же, как и всегда раньше, — весьма и весьма сдержанное.

Принципиальное отличие не в количестве супермаркетов и разнообразии номенклатуры. И даже не в чудовищном охранительном налоге на добавленную стоимость, который автоматически превращает покупку товаров в европейской рознице в равновидность мазохизма. Дело именно в отношении Европы и европейцев к потреблению и к самой культуре потребления. Отношение очень сдержанное, скептическое, рациональное... Я бы даже сказал, слегка ироничное.

Ничего подобного мы не наблюдаем ни в Соединенных Штатах, ни в странах Азии, скопировавших под кальку именно американский культ консьюмеризма (разумеется, копирование это удалось только потому, что он лег азиатским народам на душу).

В Америке массовое потребление — это не только идеология цивилизации, но и символ веры подавляющего большинства населения. Американцы (китайцы, тайцы, австралийцы, малайцы, японцы, корейцы и др.) не только получают несказанное удовольствие от акта покупки и потребления, но и используют материальную вещь в качестве мерила социального успеха.

В Европе подобный культ консьюмеризма можно наблюдать только в самых бедных восточных странах (Румыния, Болгария, Венгрия, Польша), пытающихся наверстать упущенное за десятилетия советского порабощения.

Именно это обстоятельство — скромное место консьюмеризма в европейской цивилизации — и объясняет чисто визуальную иллюзию того, что Европа отстает в экономическом отношении от Нового Света и Азии. Происходит это от знака равенства между экономикой и бытовым потреблением, который ставится в идеологии консьюмеризма.

В Соединенных Штатах и Китае построены тысячи гигантских супермоллов, по которым носятся с завидущими глазами миллионы обывателей, стремящихся удовлетворить свои социальные амбиции за счет приобретения материальных объектов. В Европе тоже много супермоллов, в которых тоже много посетителей, однако достаточно постоять полчаса и

понаблюдать за их поведением, чтобы понять: люди в массе своей покупают, чтобы удовлетворить свои прямые материальные потребности, а не социальные амбиции!

Это глубинное отличие Старого Света от всех остальных частей мира, которое отражает и своеобразие европейской истории, и уровень интеллектуального и духовного развития, отличный от того, что сложился в бывших колониях — от Соединенных Штатов и Австралии до Китая и Индонезии.

ДИКТАТУРА ФАКТОВ

Прямым следствием сдержанного отношения европейской цивилизации к консьюмеризму стала глобальная переориентация местной экономики с модели B2C (Business-To-Client) на модель B2B (Business-To-Business). В современном Евросоюзе производится ничтожно мало товаров конечного потребления, спрос на которые удовлетворяется на 99% продукцией азиатского производства.

Точно так же, между прочим, обстоят дела и в Соединенных Штатах, где все исконно американское давно носит гордый лейбл Made in China. В отличие, однако, от Америки, которая целиком сосредоточена на интеллектуальном копирайте и сфере услуг, Европа сконцентрирована на НИОКР и производстве средств производства.

Пора, полагаю, подкрепить развеивание иллюзии экономического отставания Европы цифрами. Страны ЕС сегодня генерируют ВВП в объеме 16 трлн долларов. Это номинально. С учетом покупательной способности — 19 трлн. Номинально ВВП Евросоюза уступает только Соединенным Штатам, с учетом PPP — превосходит их.

Вектор экономической энергии Евросоюза лучше всего проследить по структуре экспорта: 42% поставляемой Европой продукции во всем мире — это промышленное и транспортное оборудование; 17% — химическая продукция, 6% — продовольствие, 2% — сырье, 4% — финансовые услуги.

Структурно ВВП Евросоюза практически не отличается от США, что свидетельствует, во-первых, о безусловной близости экономических концепций, во-вторых, об идентичности цивилизационного уровня.

Тем не менее в экономической структуре можно наблюдать тенденции, которые в Евросоюзе реализованы глобально, в то время как в Соединенных Штатах они раскрываются лишь эпизодически и регионально. Между тем речь идет о тенденциях, от которых напрямую зависит триумфальное развитие экономики и общества в будущем.

Речь идет о таких краеугольных понятиях, как уровень технологических инноваций и уровень развития «креативного класса», от которого напрямую зависит качество человеческого капитала в стране и, как следствие, перспективы экономики в освоении науки, технологий, бизнеса, управления, финансов, равно как и культуры, здравоохранения, образования и проч.

Начнем с технологических инноваций, которые в оптимальном виде оцениваются так называемым Глобальным индексом креативности (The Global Creativity Index; составляется Martin Prosperity Institute) по трем направлениям: инвестиции в НИОКР, уровень научных и инженерных исследований, инновации.

Вот как выглядит первая десятка стран по уровню инвестиций в НИОКР: Израиль, Швеция, Финляндия, Япония, Швейцария, США, Южная Корея, Германия, Дания, Франция. Как видите, США лишь шестые, а страны Европы забирают 6

Структура ВВП

	ЕС	США
Услуги	74,7%	77,6%
Промышленность	23,8%	20,8%
Сельское хозяйство	1,5%	1,6%

Источник: OECD

мест из 10. Для сравнения: Россия на 22-м месте, Китай — на 26-м, Бразилия — на 31-м.

Вот десятка стран, ранжированных по числу инженеров и научных работников в расчете на душу населения: Финляндия, Швеция, Япония, Сингапур, Дания, Норвегия, США, Австралия, Канада, Новая Зеландия. Здесь очевиден фактор «утечки мозгов» по приоритетным направлениям (Австралия, Канада, Новая Зеландия), однако Европа по-прежнему удерживает 4 места из 10, опережая США. Сравнение по странам БРИК: Россия — 12-е место, Китай — 39-е, Бразилия — 43-е.

Наконец, инновационные достижения, которые измеряются количеством патентов на душу населения. Список по очевидным соображениям уверенно возглавляют Соединенные Штаты, а далее следуют Япония, Швейцария, Финляндия, Израиль, Швеция, Германия, Канада, Дания, Гонконг. Россия на 36-м месте, по Китаю данных нет (ибо, как известно, в стране переродившегося маоизма все кем-то изобретенное великодушно присваивается для дальнейшей производственной имитации), Бразилия — 46-я.

Итоговый рейтинг GCI: Финляндия, Япония, США, Израиль, Швеция, Швейцария, Дания, Южная Корея, Германия, Сингапур.

Присутствие пяти европейских стран в десятке сильнейших заставляет сильно сомневаться не столько в экономическом «закате Европы», которого сегодня при любой оптике разглядеть невозможно даже под микроскопом, сколько в возможности такого «заката» в обозримом будущем: социальное и экономическое структурирование Евросоюза говорит лишь о дальнейшем упрочении позиций этого региона. Последнее обстоятельство усиливается еще и более чем скромными достижениями «Азиатских тигров» и их собратьев из БРИК.

Оценим теперь уровень развития «креативного класса», от которого напрямую зависят перспективы не только экономического, но и социального благосостояния общества.

Сразу хочу сделать уточнение: говоря «креативный класс», я подразумеваю не классическое определение, напрямую связывающее принадлежность с уровнем образования, а развитие этого понятия, предпринятое Ричардом Флоридой и его коллегами по Martin Prosperity Institute. «Креативный класс» определяется не по корочке институтского диплома, а по трудовой занятости, сопряженной с «креативностью» любого плана — от научной работы, дизайна и архитектуры до юриспруденции и здравоохранения.

Логика Флориды проста: из 16,6 млн жителей США, вовлеченных напрямую в креативный труд, 40% даже не окончили колледжа. Любимые примеры Ричарда Флориды, оправдывающие модификацию термина «креативный класс», — это Билл Гейтс и Стив Джобс, которые так и не удосужились обзавестись дипломом о получении высшего образования.

Так вот: ситуация с «креативным классом» в США катастрофическая: страна находится на 27-м месте, сразу после Словакии.

Первая десятка стран по уровню развития «креативного класса» выглядит таким образом: Сингапур, Голландия, Швейцария, Австралия, Швеция, Бельгия, Дания, Финляндия, Норвегия и Германия. 8 стран из 10 находятся в Европе! Это ли не триумф «загнивающего» континента?

Дополнительную информацию к размышлению дает нам сравнение со странами БРИК: Россия на почетном 20-м месте (наследие советского культа «высшего образования!»), Бразилия — на 57-м, а Китай — вообще на галерке, на 75-м.

Креативная привлекательность Европы органично оттеняется и списком городов планеты, являющихся центрами притяжения для талантливой молодежи. Первым идет Лондон, затем — Нью-Йорк, Париж, Сидней, Мадрид, Берлин, Барселона, Торонто, Сингапур, Рим. 6 городов из 10 расположены в Европе — уже знакомая нам закономерность.

В России сегодня идея вырождения и кончины Старого Света стала чуть ли не частью государственной идеологии. Даже в самой Европе мотив очередного «заката» служит отправной точкой для объединения националистических и консервативных движений практически во всех странах ЕС

ПЕРЕВОРАЧИВАЕМ ФЛОРИДУ С ГОЛОВЫ НА НОГИ

Думаю, мы располагаем уже достаточной информацией, чтобы усомниться не только в «Закате Европы v.2.0», но и в трагическом заблуждении самого создателя закатного мифа. Освальд Шпенглер, возглавлявший на национал-социалистическое движение в Германии такие большие надежды в плане возрождения примордиальных традиций, культа предков и патриотизма, к великому сожалению, не сумел разглядеть за «восстанием масс», любовью к технологиям и консьюмеризмом потенциал не только для возрождения европейской цивилизации, но и выведения европейской культуры на новый, неслыханный и невиданный в истории уровень.

В результате первого «заката Европы» из европейской культуры не только не исчезла духовность, но и укрепилась многократно за счет нового уровня гуманизма, терпимости и понимания мира. «Бездушные» технологии и прогресс не только сделали жизнь европейского человека красочнее и приятнее, но и банально удвоили ее продолжительность.

Страшно даже подумать, что на пике развития «фаустовской» культуры в XIX веке продолжительность жизни в Европе колебалась от 30 до 40 лет в зависимости от конкретной страны, а через сто лет после «заката» эта цифра повсеместно превалила за 75.

Выше я уже поминал «разрушительную» роль европейской либеральной идеологии, которую критики упорно пытаются препарировать вне экономического контекста. Как следствие, мы получили полнейшее непонимание важности этой идеологии для достижения уже существующего уровня цивилизационного развития Старого Света, а в еще большей мере — для его надежд на будущее.

Современная российская государственная идеология разделяет опасения европейских националистов и консерваторов по поводу либерализма, выполняющего в Евросоюзе роль глобальной доктрины стратегического развития.

Мне сложно сказать, что в данных опасениях превалирует — страх перед эксцессами демографических перегибов (политика «открытых дверей» Ангелы Меркель) или забота о генетической чистоте. В любом случае ни демография, ни генетика не способны объяснить причины, по которым власти предрасположены в Евросоюзе с такой невообразимой терпимостью относиться сегодня к переселенцам-инородцам, сексуальным меньшинствам и вообще всему маргинальному, нетрадиционному и альтернативному.

Для меня лично очевидно, что нет никакой нужды разбираться с иррациональными страхами на уровне коллективного бессознательного перед принудительной «геизацией» и «мусульманизацией» коренного населения Европы из-за либеральной доктрины Брюсселя. Очевидно, поскольку любой образованный человек обязан знать элементарные вещи: невозможно «превратиться» в гея без того, чтобы им родиться и не иметь к тому врожденной предрасположенности.

Равно как немислимо для мусульман захватить власть либо навязать свои нравы Европе в ситуации, когда мусульмане составляют менее 2% общего населения. Гораздо рациональнее опасаться эксцессов геноцида мусульман, вспоминая о европейской истории, а также хрупкости и краткосрочности доминирования либеральной идеологии.

Что же тогда заставляет власти Евросоюза с таким упорством отстаивать либеральные ценности вопреки шумному противодействию консервативных слоев общества? Вы не поверите, но ответ банален: либеральная идеология правит сегодня Европой по причине традиционного европейского прагматизма и рационализма!

Если бы консерваторы в России и в самой ЕС вместо чтения эпосов Примордиальной Традиции уделяли хоть минимум

Иллюзию того, что Европа отстает в экономическом отношении от Нового Света и Азии, создает то скромное место, которое занимает консьюмеризм в европейской цивилизации. По объемам бытового потребления не следует судить об успешности экономики

внимания современным научным изысканиям, они бы с удивлением узнали, что уже лет 15 в западной цивилизации де-факто на уровне общепризнанной аксиомы присутствует теория так называемого креативного класса, связанная с именем вышеупомянутого Ричарда Флориды.

В 2002 году Флорида издал книгу «The Rise of the Creative Class. And How It's Transforming Work, Leisure and Everyday Life» (русский перевод — «Креативный класс: люди, которые меняют будущее», изд-во «Классика-XXI», 2005), в которой подвел теоретическую базу под десятилетие статистических исследований. Согласно его теории, ключом к экономическому

процветанию регионов и муниципий служит их привлекательность для творческой элиты. Уровень привлекательности напрямую зависит от уровня толерантности в том или ином месте: чем выше терпимость власти и населения к представителям нетрадиционной сексуальной ориентации, богемы и иммигрантам, тем активнее реализует себя в этих условиях «креативный класс».

Критики Флориды с ходу уцепились за парадокс «яйца и курицы» и всю свою энергию направили на доказательство того, что «креативный класс» вовсе не обеспечивает уровень экономического развития, а лишь является следствием: чем выше этот уровень в регионе, тем сильнее к нему тянется творческая элита.

Удивительно, что мимо консервативных ушей проходили и уверения самого Ричарда Флориды в том, что он вовсе не собирался устанавливать прямую зависимость — «креаклы» — Флорида, а экономическое развитие — яйцо. В реальности Флорида утверждал лишь саму статистически неоспоримую зависимость: где много «креаклов», там много безудержного роста и процветания экономики и общества!

Очевидно, что «креативный класс» выступает не столько в роли создателя материальных благ и экономического бума, сколько в роли лакмусовой бумаги. Происходит это не из-за тайной любви «креаклов» к беженцам и гомосексуалистам, как мечтаются конспирологам, а из-за «свободы действия и самовыражения» в странах и регионах, где толерантность закреплена на уровне официальной доктрины.

«Свобода действия и самовыражения» — вот краеугольный камень либеральной доктрины, которая одна способна обеспечить мощный рост экономики, предельный уровень материального благосостояния и качество жизни, достойное XXI века. А высокая концентрация «креативного класса» и терпимость к сексуальным меньшинствам — лишь обратная сторона медали той доктрины, которая адаптирована в современном Евросоюзе.

Меньше всего мне бы хотелось, чтобы у читателя создалось впечатление о безоговорочном одобрении в статье экономической и социальной политики Евросоюза. Множественные просчеты Брюсселя слишком хорошо известны, чтобы их игнорировать. В первую очередь это относится к миграционной политике, в которой буквализация принципа «свободы действия и самовыражения» создала угрозу всему европейскому обществу.

Главное, однако, понимать, что трагическая ситуация с миграцией — всего лишь частность, и возвращение к норме случится, как только уйдет Меркель, а рациональные политики Евросоюза поймут, что граница, отделяющая свободу от разрушения, быстро восстанавливается простой формулой: «Миграция представителей неевропейских цивилизаций в Европу должна быть напрямую связана с безоговорочным принятием мигрантами ценностей европейской культуры».

Что не является частностью, так это сам принцип «свободы действия и самовыражения», безусловное выполнение которого служит гарантом экономического процветания Европы. Не понимать этих приоритетов, сводить европейский либерализм к «диктату сексуальных меньшинств» и не видеть его связи с феноменальными экономическими и социальными достижениями Европы — значит по меньшей мере проявлять историческую недалекость и упорствовать в собственном прозябании на обочине истории.